

Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему.

Всё смешалось в доме Облонских. Жена узнала, что муж изменял ей с бывшей француженкой-гувернанткой, и объявила мужу, что не может жить с ним в одном доме. Всё это было мучительно для всех членов семьи. Жена не выходила из своей комнаты, мужа третий день не было дома. Дети бегали по дому без присмотра.

На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский (все его называли коротко – Стива) проснулся в своём кабинете на диване... Он вскочил, сел на диван и открыл глаза. Он вспомнил, как и почему он спит не в спальне жены, а в кабинете. Он вспомнил опять все подробности ссоры с женой, ощутил безвыходность своего положения и свою вину.

Степан Аркадьич не раскаивался в своём поступке. Он не мог раскаиваться в том, что он, 34-летний красивый влюбчивый мужчина, не был влюблён в жену. Он раскаивался только в том, что не сумел это скрыть от неё. Ему давно казалось, что жена догадывается, но смотрит на его неверность сквозь пальцы. Ему даже казалось, что она, состарившаяся, уже некрасивая 33-летняя женщина должна быть снисходительна. Но оказалось иначе. «Ах, ужасно! – твердил Степан Аркадьич. – Как хорошо всё было раньше! Она была довольна, возилась с детьми, с хозяйством. Правда, нехорошо, что любовница была гувернанткой в доме. Есть что-то пошлое в ухаживании за гувернанткой. Но ведь пока она была у нас в доме, я не позволял ничего...»

Степан Аркадьич встал и громко позвонил. Тотчас же вошёл слуга Матвей, неся платье, сапоги и телеграмму.

Степан Аркадьич прочитал телеграмму, и лицо его просияло.

– Матвей, сестра Анна Аркадьевна приедет завтра, – сказал он.

– Слава богу, – сказал Матвей, показывая, что он понимает значение этого приезда: Анна Аркадьевна, любимая сестра Степана Аркадьича, может примирить мужа с женой.

– Доложи Дарье Александровне. И вот возьми телеграмму, передай, что она скажет.

Степан Аркадьич уже был умыт, расчёсан и собирался одеваться, когда Матвей с телеграммой в руке вернулся в комнату:

Гувернантка – guvernantka, vychovatelka v šlechtických rodinách, většinou cizinka, naja-tá na výchovu a domácí vzdělávání dětí.

Všechny šťastné rodiny si jsou navzájem podobné, každá nešťastná rodina je nešťastna po svém.

V domě Oblonských se vše zamotalo. Manželka se dozvěděla, že ji manžel podváděl s bývalou vychovatelkou, Francouzkou, a oznámila manželovi, že s ním nebude žít v jednom domě. To tránilo všechny členy rodiny. Manželka nevycházela ze svého pokoje, manžel třetí den nebyl doma a děti běhaly po domě bez dozoru.

Třetí den po hádce se kníže Stěpan Arkadjič Oblonskij (všichni mu zkráceně říkali Stiva) probudil ve své pracovně na pohovce... Vyskočil, posadil se na pohovku a otevřel oči. Vzpomněl si, jak a proč spí v pracovně, nikoli v ložnici u své ženy. Znovu si vybavil všechny podrobnosti hádky s manželkou a uvědomil si bezvýchodnost situace a svou vinu.

Stěpan Arkadjič se ze svého činu nekál. Nemrzelo ho, že on, čtyřiatřicetiletý dobře vypadající muž, který se snadno zamiluje, nebyl zamilován do své manželky. Mrzelo ho jenom to, že to před ní nedokázal utajit. Už dlouho se mu zdálo, že manželka něco tuší, ale jeho nevěru přehlíží. Dokonce měl dojem, že ona, zestárlá třiatřicetiletá žena, která už není moc hezká, musí být shovívavá. Jenže vše bylo jinak. „Ach, je to hrozné!“ tvrdil Stěpan Arkadjič. „Jak bylo dříve dobře! Byla spokojená, věnovala se dětem a domácnosti. Pravda, nebylo dobré, že milenka byla u nás doma vychovatelkou. Na dvoření se guvernante je něco trapného. Ale přece dokud byla v našem domě, nic jsem si nedovolil...“

Stěpan Arkadjič vstal a hlasitě zazvonil. Okamžitě vešel sluha Matvěj, který nesl oblečení, vysoké boty a telegram.

Stěpan Arkadjič si přečetl telegram a obličej se mu rozzářil.

„Matvěji, sestra Anna Arkadjevna přijede zítra,“ řekl.

„Zplat' pánbůh,“ řekl Matvěj, dávaje tím najevo, že chápe význam této návštěvy: Anna Arkadjevna, nejoblíbenější sestra Stěpana Arkadjiče, může manžele usmířit.

„Informuj Darju Alexandrovnu. Vezmi si ten telegram, dej jí ho a řekni mi pak, co ona na to.“

Stěpan Arkadjič se už umyl, učesal a chystal se oblékat, když se Matvěj s telegramem v ruce vrátil do pokoje:

.....

Смотреть сквозь пальцы (*fraz.*) – tvářit se, že si nevšímáte ničeho nedovoleného. V češtině tomu odpovídá význam přehlížet, tiše přecházet něco nedovoleného.

– Дарья Александровна приказала доложить, что она уезжает.

Жалкая улыбка показалась на красивом лице Степана Аркадьича. Он медлил. Ему доложили, что карета готова, и Степан Аркадьич взял шляпу и остановился: не забыл ли чего. Оказалось, что он ничего не забыл, кроме того, что хотел забыть, – жену. Он опустил голову, и его красивое лицо приняло тоскливое выражение. «Пойти или не пойти к ней сейчас?» – говорил он себе. И внутренний голос говорил ему, что ходить не надо. Поправить их отношения невозможно, потому что нельзя сделать её привлекательной и возбуждающей. Также как и невозможно сделать его стариком, не способным любить. Кроме фальши и лжи, ничего не могло быть; а фальшь и ложь были противны его натуре. «Однако когда-нибудь же нужно; ведь не может это так оставаться», – сказал он, набираясь смелости. Он выпрямился, быстрыми шагами прошёл через мрачную гостиную и открыл другую дверь – в спальню жены.

– Долли! – сказал он тихим робким голосом.

Она быстрым взглядом оглядела с головы до ног его сияющую свежестью и здоровьем фигуру. «Да, он счастлив и доволен! – подумала она, – а я?!»

– Что тебе нужно? – сказала она.

– Долли! – повторил он с дрожанием в голосе. – Анна приедет сегодня.

– Ну что же мне? Я не могу её принять! – не глядя на него, вскрикнула она, как будто крик этот был вызван физической болью.

Степан Аркадьич надеялся, что всё образуется. Но когда он увидел её страдальческое лицо, у него перехватило дыхание, что-то подступило к горлу, и глаза его заблестели слезами.

– Боже мой, что я сделал! Долли! – он не мог продолжать, рыдание остановилось у него в горле. – Прости! Вспомни, разве девять лет жизни не могут искупить минуты, минуты...

Она опустила глаза и слушала, ожидая, что он как-нибудь разуверит её.

– Минуты... минуты увлечения... – выговорил он, но при этом слове поджались её губы и на лице запрыгал мускул.

– Долли! – проговорил он, уже всхлипывая. – Подумай о детях, они не виноваты. Я виноват, меня накажи. Нет слов сказать, как я виноват! Долли, прости!

Она села. Он слышал её тяжелое, громкое дыхание, и ему было невыразимо жалко её. Она несколько раз хотела начать говорить, но не могла. Он ждал.

V šlechtických rodinách v 19. století bylo zvykem používat **francouzské či anglické podoby ruských jmen**, proto se v textu románu objevují Дóлли (Дáрья), Кíти (Екатерíна), Стíва (Степáн), Бéтси (Елизавéта).

„Darja Alexandrovna přikázala, abych vám vyřídil, že odjíždí.“

Na pohledném obličejí Stěpana Arkad'jiče se objevil žalostný úsměv. Dával si na čas. Oznáмили mu, že kočár je připraven, Stěpan Arkad'jič si vzal klobouk a zarazil se: snad něco nezapomněl. Vyšlo najevo, že na nic nezapomněl, kromě toho, na co zapomenout chtěl – na manželku. Sklonil hlavu a jeho pohledný obličej dostal teskný výraz. Mám, nebo nemám za ní teď zajít?“ říkal si. A vnitřní hlas mu říkal, že to není třeba. Napravit jejich vztahy není možné, protože ji nelze učinit přitažlivou a vzrušující. Stejně tak, jako není možné jeho změnit na starce, neschopného milovat. Kromě falše a lži nemohlo být nic; a falš a lež byly jeho povaze odporne. „Niméně jednou to přece jenom bude třeba; vždyť to přece nemůže takto zůstat,“ řekl si, zatímco sbíral odvalu. Narovnal se, rychlými kroky přešel přes tmavý obyvací pokoj a otevřel další dveře – do ložnice své manželky.

„Dolly!“ řekl tichým nespělým hlasem.

Rychlým pohledem si prohlédla od hlavy až k patě jeho postavu zářící svěžestí a zdravím. „Ano, je šťastný a spokojený!“ pomyslela si. „A co já?!“

„Co potřebuješ?“ řekla.

„Dolly!“ zopakoval chvějícím se hlasem, „Anna dnes přijede.“

„Co je mi po tom? Nemohu ji přijmout!“ zvolala, aniž by se na něho podívala, jako by ten výkřik vyvolala fyzická bolest.

Stěpan Arkad'jič doufal, že se vše urovná. Jenže jakmile uviděl její trpící obličej, ztratil dech, sevřelo se mu hrdlo a v očích se mu zaleskly slzy.

„Bože můj, co jsem to udělal! Dolly!“ nemohl pokračovat, vzlyky mu uvízly v hrdle. „Odpusť! Vzpomeň si, copak devět let nemůže vykoupit minuty, minuty...“

Sklopila oči a poslouchala, čekala, že ji nějak přesvědčí o opaku.

„Minuty..., minuty rozptýlení...,“ vyslovil, ale při tom slově se jí semkly rty a v tváři jí škublo.

„Dolly!“ promluvil se vzlykem. „Pomysli na děti, ony za nic nemohou. Já jsem vinen, potrestej mě. Má vina se nedá vyjádřit slovy! Dolly, odpusť mi!“

Posadila se. Slyšel její těžký, hlasitý dech a bylo mu jí nevýslovně líto. Několikrát chtěla začít mluvit, ale nemohla. Čekal.

V ruštině jsou hojně používány **infinitivní věty**, které mají funkci zjišťovací otázky. Do češtiny je můžeme přeložit tázacími větami typu *mám/měl bych něco udělat?* V případě, že chceme sdělit, kdo má něco udělat, přidáváme osobní zájmeno nebo podstatné jméno ve 3. pádě:

Пойтí или не пойтí к ней сейчáс?

Mám, nebo nemám za ní teď zajít?

Идтí мне тудá или не идтí?

Má tam jít, nebo ne?

Что им сейчáс дéлать?

Co mají teď dělat?

– Ну, скажи, после того, что было, разве нам можно жить вместе? После того как мой муж, отец моих детей, вступает в связь с гувернанткой своих детей... Ты мне гадок, отвратителен! – закричала она, горячася всё более и более. – Твои слёзы – вода! Ты мерзок, гадок, ты чужой! – с болью и злобой произнесла она это ужасное для себя слово «чужой». – Я уеду, а ты живи здесь со своей любовницей!

И она вышла, хлопнув дверью.

Её злоба испугала и удивила его. Он не понимал, что его жалость к ней раздражала её. Она видела жалость, но не любовь. «Нет, она ненавидит меня. Она не простит», – подумал он.

Дарья Александровна по звуку кареты поняла, что он уехал и вернулась в спальню. «Уехал! Но неужели они и теперь встречаются? – думала она. – Нет, если мы и останемся в одном доме – мы чужие. Чужие! А как я любила его! И теперь разве я не люблю его?»

Степан Аркадьич занимал должность с хорошим жалованьем. Место это он получил благодаря Алексею Александровичу Каренину, мужу сестры Анны. Приехав на работу, Степан Аркадьич прошёл в свой маленький кабинет и надел мундир. Все служащие встали, весело и почтительно кланяясь. Степан Аркадьич прошёл к своему месту, пожал руки и сел.

Вдруг кто-то вошёл.

– Левин! – воскликнул Облонский. – Как это ты решился найти меня здесь? Давно ли приехал?

– Я только приехал, и очень хотелось тебя увидеть, – отвечал Левин.

Левин был одних лет с Облонским. Он был его товарищем и другом ранней молодости. Они любили друг друга, несмотря на различные характеров, вкусов и занятий. Друзья разговорились. Левин открылся Степану Аркадьичу: он приехал в Москву, чтобы сделать предложение Кити Щербацкой – свояченице Облонского. Степан Аркадьич знал, что Левин давно в неё влюблён. После короткой паузы Облонский спросил:

– А ты знаешь графа Вронского? Нет? А это один из твоих конкурентов. Вронский богат, красив, с большими связями. Это человек, который далеко пойдёт.

Левин нахмурился и замолчал.

– Ну-с, он появился здесь вскоре после тебя, – продолжал Облонский, – и, как я понимаю, он по уши влюблён в Кити. Но мне кажется, шансы на твоей стороне. Я бы советовал тебе решить это как можно скорее. Поезжай завтра утром и сделай предложение, и да благословит тебя бог...

Сделать предложение (*fraz.*) – požádat o ruku
Свояченица – manželčina sestra

„No řekni, copak můžeme spolu žít po tom, co bylo? Poté, co si můj muž, otec mých dětí, něco začne s jejich guvernankou... Hnušíš se mi, jsi odporný!“ zakřičela a stále více se rozohňovala. „Tvé slzy nejsou víc než voda! Jsi mi odporný, hnusný, jsi mi cizí!“ s bolestí a zlostí vyslovila to strašné slovo „cizí“. „Já odjedu, a ty si tu žij se svou milenkou!“

Odešla a práskla za sebou dveřmi.

Její zlost ho vyděsila a překvapila. Nechápal, že jeho lítost ji dráždila. Viděla lítost, ale nikoli lásku. „Ne, nenávidí mě. Neodpustí mi,“ pomyslel si.

Darja Alexandrovna podle zvuku kočáru pochopila, že odjel, a vrátila se do ložnice. „Odjel! Ale je možné, že by se i teď ještě scházeli?“ myslela si „Ne, i kdybychom zůstali v jednom domě – jsme si cizí. Cizí! A jak jsem ho milovala! A teď, copak ho už nemiluji?“

Stěpan Arkadjič zastával úřad s dobrým platem. Toto místo získal díky Alexeji Alexandroviči Kareninovi, manželovi své sestry Anny. Jakmile Stěpan Arkadjič přijel do práce, prošel do své malé kanceláře a oblékl si uniformu. Všichni zaměstnanci povstali a vesele a uctivě se ukláněli. Stěpan Arkadjič přešel na své místo, potřásl si se všemi rukama a posadil se.

Najednou někdo vstoupil.

„Levine!“ zvolal Oblonskij. „Jak to, že ses rozhodl mne tady najít? Jsi tady už dlouho?“

„Právě jsem přijel a moc jsem tě chtěl vidět,“ odpověděl Levin.

Levin byl stejně starý jako Oblonskij. Byl jeho kamarád a přítel z raného mládí. Měli se rádi bez ohledu na své různé povahy, vkus a to, čím se zabývali. Přátelé se rozpovídali. Levin prozradil Stěpanovi Arkadjiči, že přijel do Moskvy, aby požádal o ruku Kitty Ščerbackou – švagrovou Oblonského. Stěpan Arkadjič věděl, že Levin ji už dávno miluje. Po krátké přestávce se Oblonskij zeptal:

„Znáš hraběte Vronského? Ne? A přitom je to jeden z tvých soků. Vronskij je bohatý, dobře vypadá, má důležité styky. Je to člověk, který se dostane daleko.“

Levin se zachmuřil a zmlkl.

„No, objevil se brzy po tobě,“ pokračoval Oblonskij, „a, jak tomu rozumím, je až po uši zamilovaný do Kitty. Mně se však zdá, že šance jsou na tvé straně. Doporučoval bych ti řešit to co nejdříve. Jeď zítra ráno a požádej ji o ruku. Bůh ti žehnej...“

Přidáním hlásky «е», vyjadřující zkratku slova «сударь» – „milostpán“, se v jazyce starých šlechticů vyjadřovalo zachování starých dobrých tradic, vlastenectví a úcty ke starším. Tato částice je však zastaralá a v současné ruštině se už nepoužívá.